

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-328-342

EDN: QGOFWU

Научная статья / Research article

Борьба с коррупцией в римских провинциях во II–I вв. до н.э.

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва,*
Российская Федерация

✉ cicero74@mail.ru

Аннотация. Тема борьбы с коррупцией, возникающей в результате преступного сращивания недобросовестной администрации с нечистыми на руку бизнесменами, по-прежнему актуальна. Автор поставил перед собой задачу исследовать ситуацию с правовой защитой провинциалов от произвола и злоупотреблений со стороны римских администраторов и предпринимателей-публиканов в период Поздней Римской республики. Цель исследования — показать, каким образом эта ситуация менялась в лучшую сторону на протяжении II–I вв. до н.э. Изначально власть наместника была практически неограниченной. На протяжении длительного времени конфликты в провинциях разрешались «в ручном режиме» сенатом. Тем не менее, как показал автор, к середине II в. до н.э. в Римской республике существовал ряд юридических норм, защищавших права провинциалов. В 149 г. до н.э. по инициативе плебейского трибуна Луция Кальпурния Пизона Фруги был принят первый в истории Рима закон о вымогательствах — *lex Calpurnia de repetundis*. В результате появилась *quaestio perpetua de repetundis* — судебная коллегия по делам о лихоимстве, состоявшая из сенаторов и действовавшая на постоянной основе. В течение последующих 90 лет было принято не менее шести законов, посвященных борьбе со злоупотреблениями римских должностных лиц. В результате анализа источников и историографии сделан вывод о том, что за 63 года, прошедшие от Ацилиева закона 122 г. до н.э. до Юлиева закона 59 г. до н.э., ситуация в области римского уголовного законодательства *de repetundis* изменилась кардинальным образом: если первый из этих законов всего лишь регламентировал процедуру судебного решения конфликта, то последний регулировал всю сферу отношений римского должностного лица с провинциалами.

Ключевые слова: провинциалы, наместники, публиканы, Луций Кальпурний Пизон Фруги, Квинт Муций Сцевола Понтифик, Публий Рутилий Руф, рекуператоры, *stipendia*, *vestigalia*, законодательство *de repetundis*

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.01.2026; принята к публикации 20.04.2026.

© Никишин В.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Никишин В.О. Борьба с коррупцией в римских провинциях во II–I вв. до н.э. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 328–342. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-328-342> EDN: QGOFWU

The fight against corruption in the Roman provinces in the 2nd – 1st centuries BC

Vladimir O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ cicero74@mail.ru

Abstract. The issue of combating corruption arising from the illicit collusion between unscrupulous administrators and dishonest businessmen remains highly relevant. The author sets out to examine the legal protection afforded to provincials against the arbitrary actions and abuses of Roman administrators and publicani (tax farmers) during the Late Roman Republic. The aim of study is to demonstrate how this situation improved over the course of the 2nd and 1st centuries BC. Initially, the authority of a provincial governor was virtually unlimited. For a long time, conflicts in the provinces were resolved by the Senate on a case-by-case basis. Nevertheless, as the author has demonstrated, by the mid-2nd century BC, a body of legal norms existed within the Roman Republic to protect the rights of provincials. In 149 BC, at the initiative of the plebeian tribune Lucius Calpurnius Piso Frugi, Rome's first law regarding extortion — the *lex Calpurnia de repetundis* — was enacted. This led to the establishment of the *quaestio perpetua de repetundis*, a permanent judicial panel composed of senators tasked with adjudicating cases of extortion. Over the subsequent 90 years, no fewer than six laws were enacted to combat abuses by Roman officials. An analysis of the sources and historiography led the author to conclude that the situation regarding Roman criminal legislation on *repetundae* underwent a fundamental transformation during the 63 years separating the *Lex Acilia* (122 BC) from the *Lex Iulia* (59 BC): whereas the former merely regulated the judicial procedure for resolving disputes, the latter governed the entire scope of relations between Roman officials and provincials.

Keywords: provincials, governors, publicani, Lucius Calpurnius Piso Frugi, Quintus Mucius Scaevola Pontifex, Publius Rutilius Rufus, recuperators, stipendia, vectigalia, legislation *de repetundis*

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 18.01.2026; accepted 20.04.2026.

For citation: Nikishin VO. The fight against corruption in the Roman provinces in the 2nd – 1st centuries BC. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):328–342. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-328-342> EDN: QGOFWU

Введение

С давних пор римляне имели обыкновение особо не церемониться с побежденным противником, злоупотребляя правом сильного и нередко нарушая достигнутые договоренности. Характерный пример подобного

произвола в отношении проигравших Ганнибалову войну карфагенян — в 199 г. до н.э. в Северной Африке еще не было римской провинции! — мы находим в «Истории» Тита Ливия: «В этот год карфагеняне впервые доставили в Рим то серебро, которое обязались присылать в уплату дани. Поскольку квесторы для проверки переплавили его и при этом обнаружилась убыль четверти веса, серебро было объявлено недостаточно чистым. Тогда карфагеняне заняли у Рима денег и ими восполнили недовесок серебра» (XXXII. 2. 1–2. Пер. С.А. Иванова). Через 17 лет после битвы при Каннах соотечественники Ганнибала были вынуждены безропотно сносить произвол римских должностных лиц. Надо полагать, вес гирь, которыми пользовались квесторы, утяжелялся не только стереотипом *Punica fides* [1. С. 30], но и принципом *vae victis*: легко заметить, что вся эта история сильно напоминает рассказанное все тем же Ливием предание о Бренне и «галльском золоте», только наоборот (V. 48. 8–9). Хорошо усвоив урок легендарного вождя сенонов, римляне впредь в отношениях с теми, кого они покорили, нередко отдавали приоритет силе перед правом.

Ситуация с правовой защитой провинциалов

В III–II вв. до н.э. появился целый ряд римских провинций. Их наместниками — носителями империя — становились зачастую те же лица, которые воевали, разрабатывали планы военных кампаний и покоряли для Рима новые земли. Изначально власть наместников была практически неограниченной. Они, по словам Т. Моммзена, «властвовали, как настоящие монархи» [2. С. 629]. При этом одной из основных прерогатив наместника являлось отправление правосудия (*Cic. Q. fr. I. 1. 20*). Первоочередная обязанность римского промагистрата в провинции — обеспечить правовую защиту интересов римских граждан (*Cic. Att. V. 21. 6*). Соответственно, интересы провинциалов *volens-nolens* отодвигались на второй план. Как писал Э. Бэдиан, «ясно, что даже самые элементарные принципы защиты и справедливости для провинциала зависели от прихоти (и честности) наместника... Нечасто признается, насколько несистематичным и зависимым от характера и целей конкретного человека в действительности было все провинциальное управление при Республике» [3. С. 79]. Наместники были очень разными людьми: так, если пропретор Сицилии в 79 г. до н.э. Гай Клавдий Марцелл запомнился провинциалам своей мягкостью и справедливостью (*Cic. Verr. II. 2. 51*), то один из его преемников, Гай Корнелий Веррес (73–71 гг. до н.э.), приказал сицилийцам, по словам Цицерона, «праздновать „Веррии“ и сдать на несколько лет вперед подряд на поставку необходимого для жертвоприношений и народных угощений в этот день!» (*ibid.* 52). Зависимость провинциалов от честности и добросовестности наместника, который мог быть Муцием Сцеволой (видный специалист по гражданскому праву, наставник Цицерона), а мог и оказаться

каким-нибудь Верресом, превратившим римское право в «*ius verrinum*» (Cic. Verr. II. 1. 121), сохранялась в условиях своеобразного юридического парадокса: в каждой провинции действовали вместо одной целых две правовых системы — традиционная местная и привнесенная римская. Местное право включало в себя, во-первых, право греческих общин, автономно существовавших практически во всех областях Средиземноморья, и, во-вторых, правовую традицию негреческого, или варварского населения. Греческое право было кодифицировано (пример — законодательство Сиракуз. См.: Cic. Verr. II. 2. 32; 126; 3. 18–20) и отличалось относительным единообразием вне зависимости от того, в каком районе Средиземноморья располагался тот или иной греческий город.

Греческие общины пользовались самоуправлением, у них были свои законы и собственная система судопроизводства — об этом, в частности, сообщает Цицерон, который в бытность свою наместником Киликии лишь эпизодически вмешивался в упомянутую греческую *автономию* (Att. VI. 1. 15; 2. 4). В случае, если особых проблем не возникало, дела решались в местных судах (Cic. Verr. II. 2. 32). Если же возникали какие-то осложнения правового характера, то стороны могли обратиться к суду наместника. Правовая традиция варварского населения представляла собой либо вовсе никак не зафиксированные и существовавшие лишь в устной передаче обычаи (например, в Галлии или Испании), либо некие сакрализованные нормы, обретавшие вторую жизнь в религиозно-правовых сводах, таких как Тора или Талмуд. В некоторых случаях особый правовой статус местных общин создавался эллинистическими монархами или римскими должностными лицами, которые гарантировали провинциалам те или иные привилегии (пример — иудейские общины Малой Азии). При этом обе правовые системы — местная и римская — почти не пересекались, существуя как бы в параллельных измерениях. Кроме того, ситуация нередко осложнялась тем, что римские власти и провинциальные общины по-разному понимали статьи заключенных ими же договоров, яркий тому пример — конфликт в Испании, описанный Аппианом: предоставляя провинциалам какие-либо привилегии, сенат «всегда прибавлял, что они будут действительны, „пока это будет угодно сенату и римскому народу“» (Iber. 44. Пер. С.П. Кондратьева). Таким образом, следует констатировать «принципиальную неопределенность того, что Рим постановлял» [4. С. 133].

Конфликты римских властей с провинциалами

Ситуация с правовой защитой провинциалов коренным образом изменилась после 149 г. до н.э., когда был принят закон Кальпурния о вымогательствах. До этого конфликты в провинциях разрешались «в ручном режиме» сенатом. Так, в 187 г. до н.э. претор Марк Фурий Крассипед, получивший

назначение в Цизальпинскую Галлию, отобрал оружие у верного Риму племени ценоманов. Последние направили депутацию в сенат с жалобой на противозаконные действия претора; сенаторы поручили рассмотреть дело консулу Марку Эмилию Лепиду, который вынес решение в пользу ценоманов: оружие было им возвращено, претор получил приказ покинуть провинцию (Liv. XXXIX. 3. 1–3). Новый конфликт в Цизальпинской Галлии произошел уже спустя четыре года, на этот раз по вине консула Марка Клавдия Марцелла, который приказал отобрать оружие и имущество у одного из галльских племен, переселившегося в Северную Италию из-за Альп (Liv. XXXIX. 54. 2–4). Галлы пожаловались в сенат, а там вынесли соломоново решение: консула обязали вернуть галлам оружие и имущество (за исключением награбленного ими у местного населения добра), варварам же предписали покинуть Италию (Liv. XXXIX. 54. 4–13).

В 173 г. до н.э. консул Марк Попилий Ленат в ходе военной кампании против лигуров нанес им поражение в битве у стен города Кариста (Liv. XLII. 7. 3–10), когда же деморализованные враги сдались на милость победителя, он «отобрал у них все оружие, разрушил город, самих и имущество их продал» (Liv. XLII. 8. 2–3. Здесь и далее пер. М.П. Фёдорова и И.Ф. Макаренкова). При этом пострадало племя стателлатов, неизменно сохранявшее лояльность по отношению к Риму (Liv. XLII. 8. 5). Неоправданная жестокость консула вызвала негодование в сенате (Liv. XLII. 8. 4–6). После прений было вынесено решение: предписать консулу выкупить проданных в рабство лигуров, а также вернуть им оружие и, по возможности, имущество (Liv. XLII. 8. 7–8). Возмущенный такой, с его точки зрения, вопиющей несправедливостью, Ленат отказался повиноваться решению сената и, разместив войска на зимних квартирах, прибыл в Рим, где первым делом созвал сенат и потребовал от «отцов» отмены принятого постановления (Liv. XLII. 9. 1–5). Сенаторы, как и следовало ожидать, в резких выражениях ему отказали, после чего консул вернулся в провинцию (Liv. XLII. 9. 6). В следующем году он уже в ранге проконсула напал на стателлатов и перебил не менее 6 тыс. из них; тогда лигуры снова взялись за оружие (Liv. XLII. 21. 2). Как полагал Ливий, Ленат своими действиями поправ законы божеские и человеческие (Liv. XLII. 21. 3). После этого в Риме по инициативе двух плебейских трибунов был принят закон о начале расследования действий Лената в Лигурии, вести которое сенат поручил претору Гаю Лицинию Крассу (Liv. XLII. 21. 4–8). Ленат не спешил с возвращением в Рим, и тогда трибуны провели в комициях еще один закон, который давал право претору в случае неявки Лената к ноябрьским идам рассмотреть дело и вынести приговор заочно; в результате проконсул был вынужден предстать перед враждебно настроенными по отношению к нему «отцами» (Liv. XLII. 22. 2–4). Сенат постановил: лояльным лигурам вернуть свободу и дать землю за Падом (Liv. XLII. 22. 5–6). Что же касается Лената, то он «дважды защищался на суде перед Гаем Лицинием; на третий раз

претор, из уважения к отсутствующему консулу¹ и мольбам семьи Попилиев, назначил подсудимому явку на мартовские иды, то есть на тот день, когда в должность вступали новые магистраты; тогда, сделавшись частным лицом, Лициний² уже не мог бы творить суд. Так с помощью хитрой уловки был обойден закон об ответе за дело лигурийцев» (Liv. XLII. 22. 7–8). Вся эта история никак не сказалась на дальнейшей карьере Марка Попилия Лената: в 159 г. до н.э. он был избран цензором. Что же касается сугубо правовой стороны дела, то, по мнению В.К. Хрусталёва, в 172 г. до н.э. Ленату было предъявлено обвинение в «умалении величия римского народа» (*crimen maiestatis*) [5. С. 67].

Похожий инцидент произошел в 171 г. до н.э., когда началась Третья Македонская война. Консул Гай Кассий Лонгин хотел получить командование в Македонии, однако по жребию ему досталось назначение в Италию (Liv. XLII. 32. 4), безусловно, не сулившее ни громкой славы, ни богатой добычи³. Не смирившись с таким оборотом дела, Кассий собрал вверенные ему войска в Аквилее и оттуда самовольно двинулся через территорию Иллирии к театру военных действий (Liv. XLIII. 1. 4–7). Сенат отправил к нему трех легатов с приказом не начинать ни с кем войны на свой страх и риск; строптивый консул на сей раз как будто бы подчинился воле сената, но на обратном пути разграбил земли не воевавших на тот момент с Римом племен галлов, карнов, истрийцев и япидов (Liv. XLIII. 1. 10–12; 5. 2–4). Те направили жалобу в сенат, однако, когда она поступила на рассмотрение, Кассий уже был в Македонии, куда по истечении консульских полномочий он, не возвращаясь в Рим, отправился в качестве военного трибуна. Сенат ответил послам указанных племен, что не одобряет действия Кассия, однако вместе с тем не может судить человека столь высокого ранга в его отсутствие. Неловкую ситуацию сенаторы постарались уладить дипломатическим путем: послов щедро одарили и пообещали удовлетворение в судебном порядке, когда Кассий вернется в Рим, а к направившим их общинам отправили представительные посольства (Liv. XLIII. 5. 1–10).

К 171 г. до н.э. относится первый известный нам случай преследования римских должностных лиц по обвинению в вымогательстве на основании обращения провинциалов: тогда в сенат явились представители нескольких испанских племен с жалобами на злоупотребления бывших наместников (Liv. XLIII. 2. 1–2). Выслушав жалобщиков, сенат поручил претору обеих Испаний Луцию Канулею

¹ Речь о Гае Попилии Ленате, брате Марка.

² Буквально через пару лет старший брат Гая Лициния, Публий Лициний Красс (консул 171 г. до н.э.), попав под суд по аналогичному обвинению (жестокое обращение с союзниками, включая грабежи, убийства и их незаконное порабощение), был приговорен к штрафу (Liv. XLIII. 4. 5; Per. 43; Zon. IX. 22 c).

³ Конкретно речь шла о Цизальпинской Галлии.

назначить рекуператоров⁴, по пять на каждого из ответчиков (Liv. XLIII. 2. 2. 3)⁵. Интересы жалобщиков в суде представляли выбранные ими из числа римских граждан защитники (patroni). Несмотря на то что, по словам Ливия, «денежные вымогательства были очевидны» (loc. cit. Здесь и далее пер. Н.П. Гринцера, Т.И. Давыдовой, М.М. Сокольской), рекуператоры не сразу (дело дважды откладывалось), но все же оправдали Марка Титиния, наместника Ближней Испании в 178–176 гг. до н.э. (Liv. XLIII. 2. 6). Затем они рассмотрели дела Публия Фурия Фила, наместника Ближней Испании в 174 г. до н.э., и Марка Матиена, наместника Дальней Испании в 173 г. до н.э. (Liv. XLIII. 2. 8–9). Поскольку вынесение обвинительного приговора было предопределено, оба подсудимых добровольно удалились в изгнание, первый — в Пренесте, второй — в Тибур (Liv. XLIII. 2. 10). Вероятно, испытывая определенное давление со стороны влиятельных людей в сенате и/или опасаясь новых жалоб из испанских провинций, претор Луций Канулей в разгар судебного разбирательства бросил порученное ему дело и занялся набором войска, а затем внезапно уехал в назначенную ему провинцию (Liv. XLIII. 2. 11). После этого, как пишет Ливий, «предав прошлое молчаливому забвению, на будущее сенат постановил удовлетворить требования испанцев: чтобы римские должностные лица не распоряжались ценами на хлеб и не принуждали жителей продавать урочную двадцатую часть урожая за сколько вздумается и чтобы в их города не назначались заведующие сбором налогов» (Liv. XLIII. 2. 12). Таким образом, сенат запретил наместникам манипулировать ценами на зерно, произвольно завышая их при получении содержания не натурой, а деньгами и, соответственно, занижая эти цены при покупке зерна за казенный счет; кроме того, отныне наместники не имели права посылать в испанские города префектов для сбора налогов⁶. Это был прецедент, означавший, что у римской правящей элиты произошло «осознание империалистической ответственности» [4. С. 134].

Правовая защита населения провинций

К тому времени, когда происходили упомянутые события, существовал ряд правовых ограничений, которые так или иначе препятствовали римским должностным лицам превращать свою деятельность

⁴ Тогда в эту судебную комиссию (quaestio) входили сенаторы, которых выбирал претор по своему усмотрению. Рекуператорский суд (iudicium recuperatorium) изначально был предназначен для возврата незаконно отчужденного — отобранного, захваченного, украденного — имущества, как общественного, так и частного (Fest. 342 L).

⁵ В таких случаях назначался залог (vadimonium), и в случае неявки обвиняемого в суд рекуператоры автоматически приговаривали его к штрафу на сумму объявленного залога (Gai. Inst. IV. 185).

⁶ Налоги с общин собирали звонкой монетой или слитками золота и серебра представители местных элит.

в провинциях в откровенный произвол. Во-первых, что касается римских граждан, то их от произвола — по крайней мере, формально — защищали нормы римского права; применительно к союзникам (*socii*) опять-таки теоретически действовали условия союзного договора (*foedus*), которые на деле нередко нарушались; если же договор отсутствовал, провинциалам оставалось полагаться на «добрую волю римского народа» (*fides populi Romani*). Лица, виновные в «преступлениях против римского народа» (*crimina publica*), подлежали суду комиций, *iudicium populi*⁷. Дело легата Племиния (204 г. до н.э.) стало первым известным нам случаем, когда преступления римского военачальника в отношении союзников (*Liv. XXIX. 8. 7–9. 12; 17. 11–18. 20*) расследовались специально созданной для этого судебной комиссией (*quaestio*) в составе претора, 10 сенаторов, двух плебейских трибунов и одного плебейского эдила (*Liv. XXIX. 20. 4–11; Diod. XXVII. 4. 6*)⁸. Луция Квинкция Фламинина, консула 192 г. до н.э., за позорный эпизод с беспричинным убийством знатного галла (*Liv. XXXIX. 42. 8–12*) в 184 г. до н.э. лишь на несколько лет исключили из сената по инициативе цензора Катона Старшего (*Liv. XXXIX. 42. 5*). Характерно, что никто даже не пытался привлечь Фламинина к суду за убийство человека, доверившегося великодушию магистрата римского народа. В свою очередь, консуляр Луций Корнелий Лентул Луп в 154/153 г. до н.э. был осужден за вымогательства (о датировке этого судебного процесса см. [6. Р. 277, п. 5]) — вероятно, в бытность его наместником провинции⁹, что не помешало ему в 147 г. до н.э. стать цензором (*Val. Max. VI. 9. 10; Fest. 360. 26–28 L*).

Во-вторых, сфера полномочий наместника могла быть ограничена полученными от сената и/или народа *mandata* — инструкциями вполне конкретного или же, напротив, самого общего характера [7. С. 165; 8. С. 22–36]. В-третьих, в начале II в. до н.э. римские верхи приняли меры по наведению порядка в провинциях. Так, в 198 г. до н.э., как сообщает Ливий, наместник

⁷ Примеры тому — осуждение Публия Клавдия Пульхра в 249 г. до н.э. (*Polyb. I. 52. 2–3; Cic. Nat. deor. II. 7; Div. II. 71*), Марка Ливия Салинатора в 218 г. до н.э. (*Liv. XXII. 35. 3; De vir. ill. 50. 1*), Гнея Фульвия Флакка в 211 г. до н.э. (*Liv. XXVI. 2. 7–9*). Широкий общественный резонанс получило дело Луция Корнелия Сципиона Азиатика (187–183 гг. до н.э.), якобы получившего взятку от Антиоха III и присужденного к уплате огромного штрафа (*Liv. XXXVIII. 56. 8; Gell. VI. 19. 2*). Дело было явно политическим, «денег Антиоха» в доме осужденного не нашли, выплатить штраф Луцию Сципиону помогли родственники и друзья, а те, кто проводил расследование, подверглись общественному порицанию (*Liv. XXXVIII. 60. 1–10*).

⁸ Дело было решено в пользу союзников-локрийцев, отнятое у них имущество возвращено, виновные — Племиний и 32 его сообщника — арестованы (*Liv. XXIX. 21. 4–11; Diod. XXVII. 4. 7*). В дальнейшем судьба виновных в мародерстве по отношению к союзникам решалась в комициях (*Liv. XXIX. 22. 7; Polyb. VI. 14. 8*). Сам Племиний то ли умер в тюрьме своей смертью, то ли был казнен, но спустя 10 лет (*Liv. XXIX. 22. 9–10; App. Hann. 55; Diod. XXVII. 4. 7*).

⁹ Очевидно, и здесь имело место постановление комиций, в соответствии с которым для расследования дела образовывалась временная судебная комиссия (*quaestio*).

Сардинии Марк Порций Катон изгнал с острова всех ростовщиков, «а расходы, которые обычно несли союзники на содержание преторов, [были] сокращены или отменены» (Liv. XXXII. 27. 3–4). Когда в 195 г. до н.э. Катон Старший, уже будучи консулом, отправился в Испанию, он взял с собой всего лишь пять рабов (Apol. Apol. 17. 9). Вероятно, таков был установленный для наместника лимит; кроме того, покупать рабов разрешалось только взамен умерших (Cic. Verr. II. 4. 9–10). Наконец, в Испании Катон запретил подрядчикам закупать у местных жителей хлеб для войска (Liv. XXXIV. 9. 12). В-четвертых, в Азии, где публиканы собирали с местных жителей *stipendia* и *vectigalia*, греческие общины, пользовавшиеся самоуправлением и налоговым иммунитетом (App. Bell. Civil. V. 4), могли пожаловаться в сенат на ущемление своих прав. Проблема заключалась в том, что на рубеже II–I вв. до н.э. своей критической точки достигло напряжение между стремлением публиканов увеличить собственные прибыли и заинтересованностью сената и наместников во избежание раздражения греческих общин; между тем злоупотребления публиканов явно угрожали безопасности восточных провинций. Так, по сообщению Диодора, вифинский царь Никомах III Эвергет (128–94 гг. до н.э.), возможно, несколько сгущая краски, заявил послам Гая Мария, что публиканы обратили в долговое рабство массу его подданных (Diod. XXXVI. 3. 1). Неудивительно, что такое положение дел порождало «справедливую ненависть» к римскому господству, которое Диодор называет «гегемонией» (Diod. XXXIV/XXXV. 25. 1).

Зарождение коррупции в провинциях и первые попытки борьбы с ней

Итак, уже к первой половине II в. до н.э. в Римской республике существовал ряд юридических норм, защищавших права провинциалов от злоупотреблений со стороны как наместников, так и публиканов. Важной вехой в процессе эволюции отношения римской правящей элиты к проблеме управления провинциями стал закон Порция (*lex Porcia*, 101/100 г. до н.э.). Возможно, автором этого закона, который Эндрю Линтотт датирует 101 г. до н.э., был сын Марка Порция Катона Непота, консула 118 г. до н.э. [7. Р. 191–192]. Именно закон Порция впервые наложил строгие ограничения на сферу полномочий наместника во вверенной ему провинции. Прежде всего, закон свел к минимуму те поборы, которые наместник имел право взыскать в свою пользу с местных общин; далее, ему было запрещено покидать провинцию до истечения срока его полномочий (исключений было два: разрешение сената или соображения государственной пользы). Таким образом, закон Порция ознаменовал собой принципиальный отказ от прежней вековой традиции предоставления наместнику практически полной свободы действий [9. С. 96]. Как полагает Фред Дрогула, закон был адресован в первую очередь преторам, управлявшим «мирными» провинциями и, соответственно, лишенным тех

«легальных» способов обогащения, которыми располагали консулы и проконсулы, стоявшие во главе крупных воинских соединений [9. Р. 103–104]. В этой связи интересно отметить, что за 2-ю пол. II в. до н.э. известно восемь случаев судебного преследования преторов за финансовые злоупотребления в провинциях [9. С. 103]. По мнению Ф. Дрогулы, принятие *lex Porcia* явилось следствием реорганизации провинций Азии и Македонии, а также создания провинции Киликии; во всех этих событиях, относящихся к 102–100 гг. до н.э., самое активное участие приняли два претора — Марк Антоний Оратор (консул 99 г. до н.э.) и Тит Дидий (консул 98 г. до н.э.) [9. Р. 106–118]. Обеспокоенный самочинными действиями Марка Антония и Тита Дидия, которые, по сути, на свой страх и риск организовали две «маленьких победоносных войны»¹⁰, сенат озабочился принятием закона Порция: вопреки традиции постановление оформили не как *senatus consultum*, а как *lex*, т.е. провели через комиции [9. Р. 120–121]. Основные положения *lex Porcia* спустя два десятилетия, видимо, без существенных изменений вошли в текст *lex Cornelia de maiestate* — закона, принятого по инициативе Суллы в 81 г. до н.э. [10. С. 579]. Наместник вступал в должность за 30 дней до своего отъезда из Рима (Cic. Fam. III. 6. 3) и сохранял империй вплоть до своего возвращения в Рим (Cic. Fam. I. 9. 25). Тем не менее, как свидетельствуют источники, текущая деятельность наместника была практически свободна от контроля сверху, возможностей личного обогащения у него оставалось предостаточно, сенат же обычно вмешивался в ход событий только тогда, когда конфликт выходил за пределы провинции и/или грозил перерасти в открытое неповиновение властям. Наместника можно было привлечь к суду лишь по истечении срока его полномочий [10. С. 577].

Ливий приводит несколько любопытных примеров того, как с самого начала римская практика управления провинциями медленно, но верно стала приобретать грабительский характер. Ростки коррупции прорастали постепенно, со временем пуская глубокие корни. Все началось с традиции, в соответствии с которой победоносный полководец должен был устроить в Риме игры. Неизбежно вставал практический вопрос: на чьи средства будет финансироваться данное мероприятие? С самого начала, видимо, предполагалось, что на государственные. Так, в 205 г. до н.э. Сципион Африканский, одержавший ряд побед в Испании, получил от сената санкцию на использование государственных средств для проведения игр по обету. Как пишет Ливий, «сенат постановил: игры, которые

¹⁰ Поскольку победителей не судят, обоим ничего не было за то, что они своими действиями нарушили хрупкий военно-политический баланс, который к тому времени сложился на эллинистическом Востоке. И Марк Антоний, и Тит Дидий получили сполна то, к чему они стремились: добычу, почести, триумф и консулат. Однако остальных преторов следовало заранее «призвать к порядку», чтобы у них даже мысли не возникало о том, что и им можно организовать нечто подобное тому, что устроили упомянутые «герои».

Сципион обещал дать во время солдатского мятежа в Испании, пусть дает из тех денег, которые он сам внес в казну (*quam ipse in aerarium detulisset*)» (XXVIII. 38. 14. Пер. М.Е. Сергеевко). Спустя 12 лет его племянник и тезка, воюя опять же в Испании в ранге пропретора, дал обет устроить в случае своей победы игры в Риме в честь Юпитера. Разбив лузитан наголову, все награбленное ими у мирных жителей добро доблестный Сципион вернул владельцам, а невостребованное имущество распорядился продать с аукциона; вырученные от продажи деньги были по его приказу розданы воинам (Liv. XXXV. 1. 5–12). Таким образом, сдавать в казну Сципиону было попросту нечего. Еще через два года Сципион, став консулом, перед отъездом в Галлию на войну с бойями потребовал от сената денег для проведения упомянутых игр. «Это требование сочли неслыханным и несправедливым и потому постановили: игры, которые он обетовал сам, не снесшись с сенатом, пусть он сам и проводит на деньги от военной добычи, если у него из них что-то для этой цели отложено, либо из собственных средств» (Liv. XXXVI. 36. 1–2. Пер. С.А. Иванова). В итоге Сципион провел злополучные игры, по всей видимости, за свой счет (*ibid.* 36. 2). Так сенат создал прецедент: игры по обету не могут финансироваться из казны. Отныне магистратам и промагистратам надлежало обходиться исключительно теми средствами, которые они изымали на месте, грабя провинциалов. Таким образом, с одной стороны, потенциальные коррупционеры получили дополнительную мотивацию для злоупотреблений в провинциях; с другой — государство (читай: правящая элита) в очередной раз устранилось от решения назревшей проблемы, предоставив должностным лицам *carte blanche* в таком деликатном деле, как изыскание средств для проведения обетованных игр.

Антикоррупционное законодательство II–I вв. до н.э.

В 149 г. до н.э. по инициативе плебейского трибуна Луция Кальпурния Пизона Фруги был принят первый в истории Рима закон о вымогательствах — *lex Calpurnia de repetundis*¹¹. В результате появилась *quaestio perpetua de repetundis* — судебная коллегия по делам о лихоимстве, состоявшая из сенаторов и действовавшая на постоянной основе (Cic. Brut. 106; Off. II. 75; Verr. II. 3. 195; IV. 56). После *lex Calpurnia* в течение ближайших 90 лет было принято не менее шести законов, посвященных борьбе со злоупотреблениями римских должностных лиц: *lex Iunia* (между 149 и 123 гг. до н.э.; по предположению Э. Линтотта, автором этого закона мог быть

¹¹ В течение двух десятилетий, предшествовавших появлению Кальпурниева закона *de repetundis*, было осуждено несколько бывших преторов, вернувшихся из провинций и обвиненных в финансовых злоупотреблениях (Liv. Per. 43, 47).

известный юрисконсульт Марк Юний Брут, о котором упоминает Цицерон: Brut. 130; De orat. II. 142; 223–224 [7. Р. 172, n. 46]), lex Acilia (122 г. до н.э.)¹², lex Servilia Caepionis (106 г. до н.э.), lex Servilia Glaucia (101 г. до н.э.), lex Cornelia (81 г. до н.э.) и lex Iulia (59 г. до н.э.). Действие каждого последующего закона расширялось по сравнению с предыдущим [10. С. 578]. По мнению Э. Линтотта, за время, прошедшее от Ацилиева закона 122 г. до н.э. до Юлиева закона 59 г. до н.э., т.е. за 63 года ситуация в области римского уголовного законодательства de repetundis изменилась кардинальным образом: если первый из них всего лишь регламентировал процедуру судебного решения конфликта, то последний регулировал всю сферу отношений магистрата с провинциалами [7. С. 194]. В частности, наместники в конце срока своих полномочий были обязаны детально отчитаться перед казначейством в своей финансовой деятельности, что называется, с цифрами в руках (Cic. Fam. V. 20. 2; Att. VI. 7. 2). Легальные поборы с провинциалов были сведены к минимуму; известно, что Цицерон в бытность свою проконсулом Киликии (51–50 гг. до н.э.) добровольно отказался от каких бы то ни было поборов для себя или своих спутников, чем несказанно удивил и обрадовал представителей местных общин и своих гостеприимцев (Cic. Att. V. 10. 2; 16. 3; 21. 5). Наконец, самое главное: как считает Э. Линтотт, к 80 г. до н.э. римские государственные мужи заботились уже не столько о возмещении материального ущерба союзникам, сколько о наказании коррумпированных магистратов [7. Р. 201–202].

Знаковым событием в истории Римской республики стало наместничество в Азии в 94 г. до н.э. проконсула Квинта Муция Сцеволы Понтифика [11. Р. 104–112], который своей решительной и бескомпромиссной борьбой со злоупотреблениями публиканов [2. Р. 143–146] восстановил доверие провинциалов к римлянам (Diod. XXXVII. 5. 1–4), причем первые официально нарекли его своим «спасителем и благодетелем» (OGIS 439), основав в его честь регулярные игры, «Муции» (Cic. Verr. II. 2. 51), тогда как вторые по достоинству оценили деятельность наместника, честно исполнившего свой долг на вверенном ему посту (Diod. XXXVII. 6). Современники считали Сцеволу образцовым наместником (Cic. Att. V. 17. 5; VI. 1. 15; Verr. II. 2. 27; Val. Max. VIII. 15. 6), хотя даже он реквизирует зерно у провинциалов, чтобы кормить своих людей (Cic. Verr. II. 3. 209). Как

¹² Подлинным инициатором этого закона стал плебейский трибун Гай Семпроний Гракх. Этот закон впервые предусматривал наказание для виновного: возмещение убытков в двойном размере (Tab. Vemb. 59). Сперва истец, действовавший от лица союзного царя или союзной общины, обращался к претору с иском, после чего выбирал себе патрона из числа римских граждан; затем путем жеребьевки избирались 450 присяжных из числа всадников, истец выбирал из них 100 человек, после чего из этих ста ответчик по своему выбору оставлял 50. Вот они-то и становились судьями. Оценку имущества, подлежавшего взысканию с ответчика, следовало провести не позднее 100-го дня с начала процесса.

бы то ни было, тот факт, что во время судебного процесса 92 г. до н.э. легат Сцевола Публий Рутилий Руф оказался в полной изоляции, свидетельствует о том, что правящая элита не поддержала ту линию, которую Сцевола и Рутилий последовательно и неуклонно проводили в Азии. Безусловно, Сцевола и Рутилий нажили себе немало врагов, в своей бескомпромиссной политике «наведения порядка» в провинции они явно зашли слишком далеко. Однако было бы неверно полагать, что публиканам после осуждения Рутилия был предоставлен *carte blanche*.

После суда над Рутилием Руфом (92 г. до н.э.) наместники Азии, как правило, уклонялись от ответственности и, не вынося никаких решений, отправляли жалобы провинциалов сразу в сенат. Последний, в свою очередь, всячески затягивал принятие решения по делу, яркий тому пример — дело о доходах с солеварен в Приене; об обстоятельствах этого дела рассказывается в надписи из Приены 90 г. до н.э., представляющей собой почетный декрет в честь именитого гражданина Кратета, которому удалось отстоять интересы родного города от посягательств со стороны публиканов в римских судебных инстанциях: *Inscriptionen griechischer Städte aus Kleinasien*. Bd. 69 (Teil I, 67). В таких случаях община направляла в Рим представительное посольство, и тогда сенаторы принимали решение. Важно помнить одно: даже после процесса Рутилия Руфа, который завершился его осуждением, далеко не все наместники Азии становились подельниками публиканов, равно как и сенат был морально готов защитить интересы и права провинциалов от посягательств со стороны недобросовестных администраторов и нечистых на руку предпринимателей. То обстоятельство, что Цицерон дает высокую оценку экономической деятельности публиканов в Азии (*Leg. Manil.* 16–17), не должно вводить нас в заблуждение, поскольку у оратора были на то веские политические причины. Парадокс состоит в том, что сам Цицерон считал необходимым воздействовать на сателлитов «мягкостью и умеренностью» (*Fam.* XV. 3. 2), однако в то же самое время констатировал факт вопиющих злоупотреблений римлян в провинциях (*Off.* II. 28), а также признавал, что интересы провинциалов лично его волнуют в последнюю очередь (*Att.* II. 16. 4).

Юлиев закон 59 г. до н.э. стал своего рода кульминацией республиканского законодательства *de repetundis*. Согласно этому закону, власть наместника ограничивалась пределами его провинции; он не имел права начинать войну или вводить войска на территорию какого-нибудь вассального царства без санкции сената и народа; наместник не смел требовать у провинциалов поставок зерна и был обязан уважать те права и привилегии, которые были предоставлены сенатом и народом союзным общинам или частным лицам, включая налоговый и судебный иммунитет, а также свободу от постоя; наместнику запрещалось требовать от союзников

транспортные средства и деньги на представительские расходы, равно как и принимать дары, в то время как круг его потребностей, удовлетворять которые было разрешено за счет провинциалов, ограничивался самым необходимым (жилье, ночлег, фураж, соль). Число свидетелей на суде возросло до 120 (Val. Max. VIII. 1. 10). Вместе с тем закон ограничил число лиц, которые вместе с официальным обвинителем участвовали в расследовании непосредственно на месте (Cic. Flac. 13). В прежние времена недобросовестные наместники могли инспирировать официальные постановления в их честь от имени провинциалов (Cic. Verr. II. 4. 15). Юлиев закон запретил последним выносить подобные постановления, пока их адресат находится в должности; этот запрет повторил Август в 11 г. н.э. (Dio Cass. LVI. 25. 6). Для расследования дела *de repetundis* назначался определенный срок (Tac. Ann. XIII. 43. 1–2; 52. 2). Как полагает Э. Линтотт, Цезарь в законе 59 г. до н.э. сохранил возможность для пострадавших обратиться в суд рекуператоров; *senatus consultum Calvisianum* (4 г. до н.э.) распространил эту процедуру на иски, которые предъявлялись от имени той или иной общины, и предусматривал более быстрое рассмотрение таких дел под строгим контролем сената [7. С. 208]. Это, несомненно, было в интересах сенаторов, тем более что речь шла уже не об уголовном обвинении, а всего лишь о гражданском иске с требованием возместить ущерб [12. С. 170]. Теперь потерпевшие могли скоро и без особых проблем получить возмещение ущерба [7. С. 209].

Заключение

Серторианская война (82–72 гг. до н.э.) в Испании, три войны с Митридатом (89–85, 83–81 и 74–63 гг. до н.э.), завоевание Цезарем Галлии (58–51 гг. до н.э.), решающая фаза борьбы Антония с Октавианом (32–30 гг. до н.э.) и другие войны и разного рода локальные конфликты с участием римлян, греков и варваров на этом переломном этапе римской истории выявили крайне непростой характер взаимоотношений «природных» римлян с их соседями — союзниками или провинциалами, друзьями или врагами, бывшими или потенциальными, тайными или явными. Кризис республиканской формы правления и начало формирования монархических структур на рубеже новой эры потребовали не только перестройки самой системы провинциального управления, но и существенных изменений в политике и идеологии имперских властей по отношению к провинциалам и «чужакам» вообще. Преобразования в этой области начал осуществлять Цезарь, а завершил Август. Результатом этих реформ явилось достижение определенного баланса интересов между имперской метрополией и провинциями, что позволило Римской империи сохранять свое политическое единство на протяжении четверти тысячелетия — вплоть до кризиса середины III в.

Список литературы / References

1. Khrustalyov VK. “Punica fides”: the Carthaginians as a military adversary and negotiating partner through the eyes of the Romans during the Punic wars. *Pskov Bulletin of Military History*. 2015;(1):30–33. (In Russ.). EDN: UGRDWH
Хрусталёв В.К. „Punica fides“: карфагеняне как военный противник и партнер на переговорах глазами римлян эпохи пунических войн // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 30–33. EDN: UGRDWH
2. Mommsen T. *History of Rome*. Vol. I. Saint Petersburg: Nauka, Yuventa publ., 1994. (In Russ.).
Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб. : Наука, Ювента, 1994.
3. Badian E. *Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1972.
4. Hillard TW, Beness JL. Choosing friends, foes and fiefdoms in the second century BC. In: Hoyos BD, ed. *A Companion to Roman Imperialism*. Leiden; Boston: Brill, 2013: 127–140.
5. Chrystaljow WK. Prosecuting military leaders in the Roman Republic: the cases of Marcus Popilius Laenas and Servius Sulpicius Galba. *Petersburg Historical Journal*. 2020;(1):63–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00005> EDN: LWWQUV
Хрусталёв В.К. Судебное преследование полководцев в Римской республике: случаи Марка Попиллия Лената и Сервия Сульпиция Гальбы // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 63–74. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00005> EDN: LWWQUV
6. Willems PG. *Le sénat de la République romaine*. T. 2. Louvain; Berlin: Ch. Peeters, 1883.
7. Lintott AW. The leges de repetundis and associate measures under the Republic. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 1981;98:162–212.
8. Lintott AW. *Imperium Romanum: Politics and Administration*. London; New York: Routledge, 1993. <https://doi.org/10.4324/9780203714003>
9. Drogula FK. The Lex Porcia and the development of legal restraints on Roman Governors. *Chiron*. 2011;41:91–124. <https://doi.org/10.34780/fsqy-qcf2>
10. Richardson JS. The administration of the Empire. In: Crook JA, Lintott A, Rawson E, eds. *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IX: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 564–598.
11. Badian EQ. Mucius Scaevola and Province of Asia. *Athenaeum*. 1956;34:104–123.
12. Kienast D. *August: Prinzeps und Monarch*. Darmstadt: Primus-Verlag, 2009.

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет имени им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-код: 8961-2880.

Information about the author:

Vladimir O. Nikishin — PhD in Historical Sciences, Associate professor, Department of History of the Ancient World, Faculty of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovsky Avenue, bldg. 4, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-code: 8961-2880.